

С. <ФРАНК>

<РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ О. ШПЕНГЛЕРА «ГОДЫ РЕШЕНИЙ. ГЕРМАНИЯ И ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ»>

Oswald Spengler. Jahre der Entscheidung. Erster Teil. Deutschland und die weltgeschichtliche Entwicklung. München 1933. Beck'sche Verlagsbuchhandlung

Появление этой книги Шпенглера имеет в современной Германии значение литературной и даже политической сенсации. Мировоззрение Шпенглера во многих отношениях совпадает с мировоззрением национал-социализма (критика марксизма и либерализма, культ цезаризма и иерархической структуры общества, требование возврата к прусскому духу и пр.). Оба корнями своими восходят к Ницше и его мужественно-волевой романтике (которую оба упрощают). Национал-социализм считал Шпенглера не только своим единомышленником, но отчасти и учителем, и имел поэтому основание ожидать, что с победой «национальной революции» Шпенглер примкнет к ней и станет одним из ее идейных вождей. Однако в хоре голосов немецких ученых и философов, которые теперь — частью по искреннему увлечению, частью из приспособления — прославляют и пытаются обосновать мировоззрение господствующего течения (стоит указать хотя бы на самого знаменитого ныне немецкого философа Мартина Гейдеггера), голос Шпенглера зазвучал довольно резким диссонансом (что уже само по себе теперь есть сенсация). Как бы ни смотреть на идеи и национал-социализма, и Шпенглера по существу, но несомненно в пользу честности и значительности Шпенглера говорит то, что он сохранил полную духовную независимость. Будучи во многих отношениях союзником национал-социализма, т.е. имея с ним общих противников, на которых он беспощадно — резко обрушивается, Шпенглер однако имеет много горьких и трезвых слов и по адресу нынешних властителей (последние встретили его книгу без негодования, а скорее с почтительным грустным недоумением).

Но и помимо своего сенсационного значения в современной политической обстановке, книга Шпенглера и по существу есть явление замечательное. Литературно блестяще написанная обычным для Шпенглера энергичным, резким и выразительным языком, она захватывает серьезностью и трагизмом своего содержания. Она актуальна в лучшем смысле слова, именно потому, что считается не с злобой сегодняшнего дня, а с вековыми тенденциями эпохи. Книга была на три четверти напечатана до политического переворота, но автор ничего в ней не изменил, потому что — как он гордо заявляет — он пишет «не для текущего дня или месяца, а для будущего». Задача книги — указать власти и общественному мнению Германии на великие и по

существо неотвратимые опасности, угрожающие Европе и Германии, пробудить мужественное сознание этих опасностей и умение считаться с ними в политической практике. Приход к власти национал-социалистов он отказывается считать *победой*, потому что не было серьезных сил, сопротивление которых нужно было бы одолеть; поэтому шумное ликование и празднества надо было бы, по его мнению, отложить до настоящей победы, которая может быть только победой внешнеполитической.

Шпенглер подчеркивает катастрофический характер переживаемой европейским человечеством — уже со времен французской революции или даже еще несколько раньше исторической эпохи — эпохи разложения, упадка и хаоса. По совершенно случайным обстоятельствам в Европе от 1870 до 1914 года господствовали мир и относительное благополучие; по близорукости воспитавшегося в эту эпоху поколения, этот краткий перерыв между пароксизмами болезни был принят за состояние нормальное, и, напротив, последовавшие за ним катастрофы мировой войны, а затем хозяйственной и политической разрухи — за события случайные, исключительные. Надо приучиться, наоборот, катастрофы, неурядицу, несчастья и опасности считать явлением неизбежным и длительным. Кто ищет счастья и довольства, тому лучше было бы не родиться, и он не достоин жить. Жить в нашу историческую эпоху (которая охватывает, по Шпенглеру, примерно *по меньшей мере* 19-й и 20-й век) могут только люди героической воли и героического мирозерцания, люди *породистые*. (Этим понятием «породы», как категории *духовно-этической*, Шпенглер заменяет модное понятие расы, о котором он с презрением говорит, что «оно относится к зоологии» и что о нем могут много говорить только люди, сами не имеющие породы.)

Переживаемая нами эпоха ближайшим образом характеризуется как эпоха мировых войн и вместе с тем как эпоха разложения государственного сознания. Это есть состояние перехода от мира национальных государств 18 века к всемирной империи — полная аналогия тому, что произошло в античном мире в течение двух последних веков до Р. Х. Мировая война угрожала уже с 1878 г. (с осложнений после русско-турецкой войны), была лишь случайно задержана до 1914 г. и в скрытой форме продолжается поныне. Она осложнена выступлением на мировую сцену Японии, возвратом России в азиатский мир (в чем Шпенглер усматривает истинное существо русского большевизма) — и перенесением центра тяжести английской политики за океан. Понятие Европы теряет свой прежний смысл. К ней принадлежат теперь только Германия (отныне ее крайний форпост на востоке), Франция и Италия, причем Франция близка к духовному окостенению (ее активность была ей, по мнению Шпенглера, лишь искусственно привита гением итальянца На-

полеона). С другой стороны, в своей внутренней политике европейский мир находится в состоянии длительной анархии; демократия и парламентаризм есть лишь прозрачная, тонкая оболочка этой анархии. Носителем порядка в ней является не власть, а лишь армия, поскольку в ее офицерском составе еще живы старые традиции чести, обязанности и беспартийного патриотизма. Но армия, основанная на всенародной воинской повинности, постепенно разлагается с упадком государственного сознания и неизбежно должна будет смениться наемным профессиональным войском.

В таком состоянии европейский мир встречает две великие, надвигающиеся на него и уже охватившие его революции: революцию «белую» и «цветную». Белая революция есть *большевизм*. Под большевизмом Шпенглер понимает власть масс, черни с ее разнузданными аппетитами, материализмом и отсутствием чувства достоинства и государственных обязанностей. В этом смысле большевизм господствует не в России, а именно в Европе. В России народные массы молча и покорно повинуются, голодая и умирая, орде азиатских ханов. В Европе, напротив, со времени либерализма и демократии, уже с конца 18-го века восторжествовала идеология большевизма — культ народных масс и их права на равенство и материальное благополучие, а с конца войны уже фактически властвует развращенная часть народных масс — городской пролетариат. Не его эксплуатируют, а он эксплуатирует государство и остальные классы общества. Заработная плата устанавливается отныне без отношения к требованиям экономической реальности, под давлением фактической «диктатуры пролетариата» в лице профессиональных союзов и социалистических партий. Совершается настоящая экспроприация народного богатства в пользу городского пролетариата. В этом заключается истинная причина мирового экономического кризиса: крестьяне и предприниматели, организаторы промышленности, разоряются, и никто не думает о гарантировании *им* определенного минимального дохода, об ограничении их рабочего времени, об их обеспечении на случай болезни, старости и смерти. Выгоду от этого получает, наряду с городским пролетариатом, лишь финансовый ростовщический капитал, властвующий над разоряющимися подлинно трудящимися элементами общества. Эта победоносная «большевистская» революция есть результат не экономических, а политических причин: ее источник — разложение здорового государственно-общественного сознания с его принципом обязанности, основанном на аристократическом чувстве чести (которое некогда охватывало и высшие, трудящиеся классы) — и, в результате этого разложения, политический успех материалистического мировоззрения интеллигентов-революционеров, вскормленного циническим снобизмом самих высших классов.

Опасность «белой» революции усугубляется опасностью революции цветной. Цветные расы Азии и Африки со времени мировой войны пришли в

движение, сознают свою силу и слабость белой расы и усваивают все технические достижения последней. И вместе с тем одни лишь цветные народы умеют трудиться много и за ничтожное вознаграждение, чем создается непреодолимая для Европы их экономическая конкуренция (к цветным народам Шпенглер причисляет отныне и Россию). Античность погибла под натиском варваров, которых она сама цивилизовала и отчасти включила в состав своей армии и своих рабочих. Та же участь угрожает и европейскому миру, с той только разницей, что в античную эпоху мир варваров лежал все же за пределами римского государства, теперь же, благодаря тому, что европейский мир внешне овладел почти всем земным шаром, варварская стихия цветных рас наступает *изнутри* сферы европейского государства. И самая страшная угроза есть возможное соединение обеих революций — «белой» и «цветной» против европейской культуры.

Единственное средство противостоять этому натиску обеих революций Шпенглер видит в откровенной *цезаристской диктатуре* — диктатуре не «партии», ибо «партия» есть сама понятие либерально-демократическое, возникшее из культа «народной воли», т.е. из «большевистской» эпохи, а диктатуре сильной и мудрой *личности*. (Образцом такой личности Шпенглер считает Муссолини и — неожиданно и непостижимо — также Ленина!) И диктатура эта должна опираться на идеологическое возрождение героически-аристократического мирозерцания, на воспитании нравственной воли, чувства ответственности и чести, на подлинно творческом и одухотворенном индивидуализме. Нынешних властителей Германии (не называя их по имени) Шпенглер упрекает в том, что они сами — полумарксисты, потакают инстинктам масс и рабочих, полны духом демагогии; «большевизм» (в указанном смысле) — поучает он их — вообще непобедим внешним средством, ибо он внедряется в стан самих победителей; истинное мерило государственного деятеля, вождя — не в том, что он побеждает своих открытых врагов, а в том, что он умеет справиться с массой своих приверженцев. Среди этих грозных предостережений звучит у Шпенглера лишь одна оптимистическая в отношении к Германии нота. Германия в течение многих веков стояла в стороне от борьбы за мировое господство, жила в провинциальном уединении и потому не истощила свои силы так, как другие европейские народы; в этом заключается ее единственный шанс на спасение.

Такова оригинальная, яркая и суровая концепция Шпенглера. Как всякая общая концепция, она, конечно, схематична и потому одностороння, многое преувеличивает и многого другого не видит. (Так, не нужно быть ученым экономистом, чтоб усмотреть односторонность утверждения, будто мировой экономический кризис обусловлен исключительно исключительно высокой рабочей

платой — как это вяжется с фактом перепроизводства именно предметов широкого потребления — пшеницы, кофе и пр.?) Но в основном Шпенглер видит несомненно зорко и верно; общий диагноз болезни Европы поставлен бесспорно правильно и производит сильное впечатление. Иное дело — мирозерцание самого Шпенглера, с которым связан у него и диагноз и средства лечения болезни. Героически-аристократическое сознание, как основа возрождения больного человечества (в этом отношении замечательно сходство Шпенглера с Константином Леонтьевым, еще больше, чем с Ницше) само целиком воспитывается и держится *религиозным чувством*, без которого оно совершенно немыслимо; проповедуемый им и безусловно необходимый дух строгого рыцарского служения предполагает бескорыстие, устремленность к неземным ценностям и вместе с тем может быть огражден от вырождения в звериную жестокость, в разлагающий дух ненависти, только питаясь духовными силами христианского смирения и любви. Между тем для самого Шпенглера человек есть по существу лишь *хищное животное*; но где же видано, чтобы хищное животное осуществляло строй, основанный на господстве духовного начала над материальным? К религии, и в частности к христианству, Шпенглер относится с нескрываемым презрением и даже обвиняет открыто церковь — преимущественно католическую — в содействии в лице христианского радикализма и социализма, торжеству демократически-большевистского духа, совершенно не оценивая благородства и духовного здоровья именно христиански-социальных течений 19-го века (учения которых в некоторых пунктах близки к его собственному мировоззрению). Шпенглер беспощаден к рационализму, — этой попытке заменить умственными конструкциями творческую силу почвенных, стихийных начал и глумится над мечтательным бессилием романтики, которую он не без основания сближает, в качестве «идеологии», с рационализмом. Но сам он — и рационалист, и романтик. Он — рационалист, потому что сам создает — пусть верную — умственную концепцию и считает возможной ее осуществление в силу ее *рациональной убедительности*; оздоравливающие силы духа он хочет пробудить заклинательным могуществом объективного познания, рассчитывая при этом только на человеческую волю и отвергая помощь сверхчеловеческих благодатных сил. И он — романтик, несмотря на суровую трезвость своего восприятия реальности, потому что хочет спасти современность воскрешенными в его мечтах духовными силами прошлого, от реального, почвенного — именно религиозного — первоисточника которых он сам оторван, не понимая и отвергая его.

Книга Шпенглера, конечно, никого и ничего не «спасет»; она останется явлением современной *мысли*, не ставши фактором *реальности*. Но в качестве творения острого ума и независимого духа она имеет большую ценность и заслуживает величайшего внимания.